

ОТНОСИТЕЛЬНО ПРИСУТСТВИЯ СОГДИЙЦЕВ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ ВО ВРЕМЕНА РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Исследователи уже давно обратили внимание на один пассаж, содержащийся в том переводе с латинского языка на греческий сочинения христианского писателя IV в. Иеронима “*De viriis illustribus*”, который выполнил греческий писатель и переводчик IV–V вв. Софроний. Речь идет об одной из вставок, приписываемых Софронию, где повествуется о деяниях апостола Андрея в Северном и Восточном Причерноморье: “Андрей, брат его (Петра), как предали нам предки, – проповедовал евангелие Господа нашего Иисуса Христа Скифам и Согдианам и Саккам, и проповедовал в Севастополе Великом, где находятся укрепления Ансара и река Фазис...” [Васильевский 1909, 225–226]. В данном случае, весьма необычно для данного региона употребление этнонима *Согдианы*.

Считается, что один из вариантов этого отрывка, но с изменениями, фигурирует в том христианском агиографическом сочинении “*Хождение Апостола Андрея в стране Мирмидонян*”, который написал в конце VIII – начале IX вв. монах Епифаний. Однако он ссылается на святого Епифания Кипрского, жившего в IV–V вв. Так, монах Епифаний сообщает следующее: “По словам святого Епифания, он знал из предания, что блаженный апостол Андрей учил Скифов, Косогдиан и Горсинов, в Севастополе Великом, где находится укрепление Ансара и гавань Исса и река Фазис и где живут Ивиры (Грузины), и Сусы, и Фусты, и Аланы” [Васильевский 1909, 226, 266]. Обращает на себя внимание то, что монах Епифаний заменил название народа из Восточного Причерноморья – “Согдианы” на “Косогдианы”. В. Г. Васильевский посчитал это ошибкой, исходя из того, что в другом фрагменте этого же сочинения упомянуты “Сугдеи”: “А Симон и Андрей отправились в Саланию (читай: Аланию) и в город Фусту. Сотворив многие знамения и многих обратив, они перешли в Авастию (Абхазия) и, вступив в Великий Севастополь, учили слову Божию. Андрей, оставив там Симона, с учениками своими

ушел в Зикхию. Зикхи народ жестокий и варварский и до ныне на половину не верующий. Они хотели убить Андрея, но увидели его убожество, кротость и подвижничество, и тогда оставили намерение. Апостол, покинув их, пришел к верхним Сугдеям. Это люди кроткие и доступные вере; они с радостью приняли слово проповеди. От них апостол пришел в Воспор, находящийся по ту сторону Понта...” [Васильевский 1909, 268]. В данном случае также обращает на себя внимание необычное для Восточного Причерноморья этническое название – “Сугдеи”.

По мнению В. Г. Васильевского, “Саки и Согдианы ... могли быть переводом на ученый язык более популярных и более сказочных терминов наподобие песих голов или чего-то похожего на то” [Васильевский 1909, 262]. Однако среди современных исследователей на этот счет существует и иное мнение.

Так, А. В. Гадло, комментируя упомянутые фрагменты, высказал предположение, что под названием “Согдианы” могли фигурировать “сагины”, которые “были особым этнотерриториальным образованием, занимавшим южную часть Кубанской дельты – область древней Синдики, которая до IX в. не входила в состав зихского объединения” [Гадло 1984, 70–71]. По его мнению, ситуация выглядела следующим образом: «В “Житии апостола Андрея”, составленном в конце VIII – начале IX вв. Епифанием, общность сагинов выступает под этнонимом согдиане-сугды, который был заимствован автором из позднеантичной литературной традиции. Под этим же этнонимом (Сугдабон) эту общность упоминает источник Равеннской Космографии IX в., который указывает ее рядом с областью фанагуров и Меотидой. С этого времени этноним согдиане-сугды в византийской литературе становится обычным обозначением адыгской общности, занимавшей южную часть Кубанской дельты, под этим этнонимом ее называет византийский поэт Иоанн Цецес...» [Гадло 1984, 71].

А. В. Гадло в дальнейшем попытался развить свою гипотезу и в результате этого он сделал еще одно предположение: «Анализ этнонимики византийской литературы приводит к выводу, что в период раннего средневековья адыги были известны не только под живыми этнонимами, но также и под этнонимом-маской, заимствованным византийскими авторами из античной историко-географической традиции (ср.: русские – скифы). Таковым

был этноним согдиане (согды, сугды, сугдеи). С Кавказом этот этноним был впервые связан авторами апокрифических сочинений IV в., повествующих о миссионерской деятельности апостола Андрея, и сначала имел метафорическое значение. Однако в дальнейшем, в VIII–X вв., как свидетельствует Равеннская космография, “Хождение” Епифания, сочинения Иоанна Цецеса и другие источники, он получил реальное осмысление и вполне определенную локализацию... Его связали с этнической группой сагинов – общностью, упомянутой в VI в. Прокопием Кесарийским в левобережье Кубанской дельты на территории античной Синдики (район современной Анапы). Группа сагинов может быть вполне обоснованно сопоставлена с адыгским племенем сагаки (схегакэ, шагахи, хегаки), занимавшим тот же район в XVII–XVIII вв. и впоследствии влившимся в адыгскую общность натухайцев. Таким образом, свидетельства византийских источников VIII–X вв. и восходящих к ним сочинений более позднего времени, в том числе древнерусских переводных сочинений о согдианах-сугдах, следует воспринимать как отражение истории одного из адыгских этнотерриториальных объединений, которое существовало наряду с объединением зихов, занимавших Черноморское побережье, и касогов, в основном владевших бассейном левых притоков Кубани» [Гадло 1986, 10].

Однако гипотеза А. В. Гадло имеет ряд спорных моментов. Во-первых, не понятно, как А. В. Гадло смог бы объяснить трансформацию этнонима “сагины” в “согдианы”? [Гадло 1984, 70–71]. С филологической точки зрения это невозможно. Нам кажется, что на роль сагинов вполне могли бы подойти упомянутые в тексте, приписанном Софронию, “Саки” [Васильевский 1909, 225–226]. Во-вторых, весьма объяснимо стремление исследователя найти следы упомянутой в VI в. этнической группы в источниках более позднего времени. Однако не стоит забывать, что если народ не упоминается определенное время в письменных источниках, то это может означать, что он просто не был участником политических событий. В то же время не понятно, почему А. В. Гадло отнес согдиан или сугдов к числу адыгских племен? Ведь в тексте монаха Епифания были упомянуты зихи: “Зикхи народ жестокий и варварский и до ныне на половину не верующий. Они хотели убить Андрея, но увидели его убожество,

кротость и подвижничество, и тогда оставили намерение” [Васильевский 1909, 268]. Напомним, что весьма распространенным является мнение, что до X в. практически всех адыгов византийские авторы называли “зихами”. Кроме того, непонятно, как можно из позиций адыгских языков объяснить происхождение этнонимов “согдианы”, “сугды”»? Однако нет сомнений, что на Западном Кавказе действительно проживали носители этих этнических названий. Остается только выяснить, существует ли альтернативное объяснение их происхождения.

Отметим, что А. В. Гадло склонен был считать “Согдиан” из текста, приписываемого Софронию, а также “Согдиан” и “Сугдов”, из агиографического сочинения монаха Епифания, одним народом. Однако так ли это?

В тексте, приписываемом Софронию, имеется вариант этнонима: Σοῦδιανοῖς [Васильевский 1909, 225–226]. Однако В. Г. Васильевский не верил, что вставку с этим этническим названием в перевод на греческий язык сочинения Иеронима “De viris illustribus” мог сделать сам Софроний в конце IV в. По мнению В. Г. Васильевского, вставки “могут принадлежать какому-либо позднему переписчику” [Васильевский 1909, 223], т. е. лицу, жившему после IV в. Что же касается текста монаха Епифания, то ситуация здесь еще более запутанная.

В. Г. Васильевский представил в своем переводе вариант этнонима как “Косогдиан (и Согдиан)” [Васильевский 1909, 226, 273]. В оригинале мы имеем Κοσῦδιανοῦς. Однако В. Г. Васильевский посчитал это ошибкой, возникшей в результате слияния союза καί – “и” и названия согдиан: “= καί Σοῦδιανοῖς” [Васильевский 1909, 226, 273]. Однако не ясно, насколько это обосновано? В свое время Н. Г. Волкова высказала предположение, что в данном случае мы встречаем наиболее раннюю фиксацию этнического термина *касог*, который впоследствии стал новым обобщающим этнонимом для всех адыгов [Волкова 1973, 19–20].

Что же касается другого фрагмента сочинения монаха Епифания, где В. Г. Васильевский в своем переводе отметил “верхних Сугдеев”, то в греческом оригинале имеем: “Σουῦδαίους τοὺς ἄνω” [Васильевский 1909, 268]. В связи с вышеизложенным возникает закономерный вопрос: можно ли считать “Согдиан” из приписываемого Софронию текста, “Косогдиан” и “Сугдов горных” из

сочинения монаха Епифания одним народом? В данном случае следует выяснить, насколько достоверна информация из использованных нами источников.

Как уже отмечалось, В. Г. Васильевский очень сомневался в том, что автором вставки с информацией о согдианах в переводе сочинения Иеронима мог быть Софроний [Васильевский 1909, 223]. Обычно считают, что при написании христианского агиографического сочинения “Хождение Апостола Андрея в стране Мирмодонян”, переписанного в конце VIII – начале IX вв. монахом Епифанием, было использовано аналогичное агиографическое сочинение святого Епифания Кипрского, жившего в IV–V вв. [Васильевский 1909, 224]. Однако во фрагменте, приписываемом Епифанию Кипрскому, где речь идет о путешествии апостола Андрея в Восточное Причерноморье, вообще нет упоминания о согдианах: “Андрей, брат его (то есть, Петра) прошел все побережье Вифинии и Понта, Фракии и Скифов, благовествуя Господа. Потом пришел в Великий Севастополь, где укрепление Апсар и река Фазис, где живут внутренние Эфиопы” [Васильевский 1909, 225]. Вполне возможно, что при написании этой части своего агиографического сочинения об апостоле Андрее монах Епифаний мог использовать и иные источники.

Относительно этого В. Г. Васильевский вынужден был признать: “Мы видим, что когда позднейшие писатели житий приступают к изложению хождений апостола Андрея, то они обязаны пользоваться не только письменными источниками, то есть, каталогами и апокрифами, но и устными рассказами жителей” [Васильевский 1909, 263]. С другой стороны, В. Г. Васильевский отметил, что “Житие, написанное Епифанием” представляло собой “свод существовавших до него преданий об апостоле Андрее” [Васильевский 1909, 269]. В то же время исследователь сделал один важный вывод об источниках информации монаха Епифания: “Исторические, этнографические и топографические заметки, сообщаемые автором, лично посетившим северные берега Черного моря в конце VIII или первой половине IX века, имели бы высокую важность сами по себе, если бы они были сколь-нибудь подробнее и не ограничивались бы простым перечислением посещенных стран и городов, с очень немногословною характеристикой жителей оных” [Васильевский 1909, 270]. Получается,

что монах Епифаний посетил Причерноморье и мог в своем агиографическом сочинении отразить этногеографию не только своих предшественников, но и новые сведения о современных ему народах. Следовательно, используя термины “Косогдианы” и “Сугды горные”, он не допустил ошибку, а отразил информацию о современных ему народах, т. е. в его время “Косогдианы” проживали на равнине, а “сугды” – в горах.

Таким образом, вполне возможно, что под “согдианами” Псевдо-Софрония и “сугдами” монаха Епифания была упомянутая новая для раннего средневековья этническая группа. На эту роль вполне подходят ираноязычные согдийцы из Центральной Азии. И для этого предположения есть веские основания, базирующиеся на данных археологии. Отметим работы А. А. Иерусалимской, где доказывается, что в раннее средневековье через Северный и Западный Кавказ проходило северное ответвление так называемого “Великого Шелкового пути” [Иерусалимская 1967; Иерусалимская 1972; Иерусалимская 1972; Иерусалимская 1992]. По этому пути Византия обеспечивалась шелком, спрос на который был велик не только на рынках Константинополя, но и всей Европы.

Еще несколько десятилетий назад А. А. Иерусалимская подвергла анализу раннесредневековые шелковые ткани, которые были найдены на Северном Кавказе в двух могильниках в западной и центральной части предгорий – в урочище Мощевая Балка (на р. Б. Лаба) и у с. Хасаут (в ущелье Сулахор, близ г. Кисловодска). Могильники были датированы VII–IX вв. Тогда же были исследованы шелковые ткани, найденные там, что позволило исследователю сделать сенсационное открытие. Так, проведенный анализ привел к выводу об “абсолютном преобладании согдийских шелков (по всем показателям)”. “В особенности заметно оно, – отмечает далее А. А. Иерусалимская, – если обратиться к импорту..., где на их долю приходится примерно 54–60 %, т. е. больше, чем на все остальные привозные ткани, вместе взятые” [Иерусалимская 1967, 69].

Данную ситуацию исследователь объясняет следующим образом: «... в VI в. Согд, находившийся на “великом шелковом пути” из Китая на Запад, освоил собственное шелководство и искал с конца VI в. рынков сбыта. Не найдя их в Иране, Согд обратил

свои взоры к Византии. Византия, находясь в тяжелой зависимости от произвола иранских купцов (которые были монополистами получаемого из Китая шелка-сырца – метаксы), в свою очередь стремилась обойти Иран и также установить контакты со Средней Азией, прежде всего с целью получать оттуда сырье. Тогда-то обе державы и попытались найти выход в торговом пути через Северный Кавказ» [Иерусалимская 1967, 72]. По представлениям А. А. Иерусалимской, сухопутный торговый маршрут должен был выглядеть следующим образом: «Караваны от Самарканда должны были идти к северу – вдоль Аральского моря, переправляться через Волгу, следовать по территории различных северокавказских племен, переваливая затем через Кавказский хребет – к причерноморским торговым факториям. Отсюда уже легко было попасть в пределы собственно Византии, в Средиземноморье, на Запад... Так, в общих чертах, описывает этот маршрут греческий автор VI в. Менандр – правда, не как торговый путь, а как некую “дипломатическую дорогу”, по которой происходил обмен посольствами между Византийской империей и Согдом в связи с “шелковой” торговлей» [Иерусалимская 1972, 3]. Естественно, что такая интенсивная торговля предполагала постоянное нахождение на маршруте согдийских купцов, создание ими своих торговых факторий, особенно вблизи от границ Византии в Восточном Причерноморье. По этому поводу А. А. Иерусалимская уточняет, что купцы с шелком от Алании “по Даринской дороге переправлялись к Закавказью, к Апсолии и следовали затем к Черному морю до Риона (Фазис) и Трапезунда, а отсюда на почтовых лошадях доставались до Константинополя” [Иерусалимская 1967, 72].

Что же касается времени функционирования этого торгового маршрута между Согдом и Византией, то А. А. Иерусалимская отметила: “Необходимость в этом долгом пути не исчезла, по видимому, и в VII в., а также и позднее – когда движению согдийских караванов противостояли на юго-западе уже арабы. Количество находок согдийских шелков на Северном Кавказе говорит о том, что путь этот был хорошо освоен и функционировал регулярно, а не являлся чем-то эпизодическим...” [Иерусалимская 1967, 72].

Исходя из этого, можно считать, что сообщение монаха Епифания о “верхних Сугдеях” [Васильевский 1909, 268] действительно

отражает ту ситуацию конца VIII в., когда торговые фактории согдийцев продолжали сохраняться лишь в горной местности в Восточном Причерноморье. О том, что здесь речь идет, действительно, о согдийцах, могут свидетельствовать следующие слова монаха Епифания: “Это люди кроткие и доступные вере; они с радостью приняли слово проповеди” [Васильевский, 1909, 268]. Напомним, что в раннее средневековье определенная часть согдийцев придерживалась христианства, правда не халкидонского, а несторианского [Dickens 2001]. Для сравнения напомним, что их соседней-зихов монах Епифаний охарактеризовал довольно негативно: “Зикхи народ жестокий и варварский и до ныне на половину не верующий” [Васильевский 1909, 268].

Что же касается времени написания вставки, приписываемой Софронию, где упомянуты “Сождианы” [Васильевский 1909, 225–226], то снова обратим внимание на мнение В. Г. Васильевского, согласно которому такие приписки “могут принадлежать какому-либо позднему переписчику” [Васильевский 1909, 223]. Исходя из этого можем считать, что неизвестный автор вставки мог жить после IV в., но не позже конца VIII в., а точнее в VI–VII вв., когда согдийский купеческий элемент был активно представлен в Восточном Причерноморье.

Таким образом, вполне возможно, что во фрагментах жития апостола Андрея, выполненных в раннее средневековье Псевдо-Софронием и монахом Епифанием, где упомянуты как жители Западного Кавказа “сождианы” или “сугды”, речь может идти об ираноязычных выходцах из Центральной Азии – согдийцах. Версии о выдуманном характере этих названий или о связи их с адыгами не выдерживают критики. Вероятно, перед нами одни из немногих примеров фиксации пребывания согдийцев в Восточном Причерноморье в письменных источниках, хотя и агиографического характера.

ЛИТЕРАТУРА

Васильевский В. Г. Хождение Апостола Андрея в стране Мирмидонян // *Васильевский В. Г. Труды.* Т. II. Вып. 1. Санкт-Петербург, 1909.

Волкова Н. Г. **Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа.** Москва, 1973.

Гадло А. В. К этнической истории адыгских племенных объединений (сагины – шегаки) // XIII “Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Майкоп, 1984.

Гадло А. В. Об одном средневековом наименовании адыгов // **Краткое содержание докладов Среднеазиатско-Кавказских чтений 1985 г.** Ленинград, 1986.

Гадло А. В. Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник по истории Северо-Восточного Причерноморья // **Из истории Византии и византоведения.** Ленинград, 1991.

Иерусалимская А. А. О северокавказском “Шелковом пути” в раннем средневековье // **Советская археология**, 1967, № 2.

Иерусалимская А. А. “Великий Шёлковый путь” и Северный Кавказ. Ленинград, 1972.

Иерусалимская А. А. **Кавказ на Великом Шёлковом пути.** Санкт-Петербург, 1992.

Dickens M. Nestorian Christianity in Central Asia. 2001 // http://www.oxuscom.com/Nestorian_Christianity_in_CA.pdf